

Вечером супруги задули лампу и легли спать, каждый погруженный в свои мысли.

Спустя некоторое время Чжоу Чжэньнян спросила:

— Отец Сяюя, может быть, вернемся домой?

Женщина знала, что ее муж Ли Цзючжоу иногда бывает упрямым, но в душе он заботится о ней и сыне.

Если так пойдет и дальше, семья действительно может разориться. Лучше послушать старшего брата Ли Цзючжоу и уехать.

Если сказать об этом сейчас, то это будет как дать им возможность с честью отступить.

Но Чжоу Чжэньнян не ожидала, что Ли Цзючжоу все равно откажется.

— Чжэнь-нян, если бы старший брат здесь хорошо устроился, мы бы уехали. Но ты не знаешь, старшему брату здесь тяжело, его притесняют, обижают. Если мы уедем, что им с невесткой делать?

Ли Цзючжоу тяжело вздохнул.

— Даже если я не могу помочь старшему брату, по крайней мере, когда ему будет плохо, рядом будет кто-то, кто выпьет с ним и поможет развеяться. Вот только ресторан не может продолжать работать, очень жаль Сяюя, я же обещал ему заработать много денег.

Ли Цзючжоу отвернулся, спиной к Чжоу Чжэньнян, его голос был хриплым.

— Чжэнь-нян, скажи, почему я такой бесполезный?

Чжоу Чжэньнян не представляла, что положение старшего брата мужа настолько сложное. Братья с детства были очень близки.

Когда старший брат стал чиновником, он еще больше заботился о младшем.

Он заботился и об их семье, это было по-настоящему хорошо, он всегда думал о них и старался помочь.

Даже сейчас, заставляя их уехать, он делал это ради их блага.

Чжоу Чжэньнян не могла сказать, что хочет уехать. Как сказал Ли Цзючжоу, даже если они не могут помочь, по крайней мере, в трудные времена рядом будут родные люди.

Женщина вздохнула.

— Эх, если бы Чаньюй и Чанцин были здесь, эти двое детей хорошо учатся, у них светлые головы, они бы точно смогли помочь старшему брату.

Ли Цзючжоу немного успокоился.

— Старший брат сказал, что в следующем году у них будет экзамен на высшую ученую степень. К счастью, есть их учитель, который опекает их, в Столице у них есть место, где можно остановиться. Если бы они приехали сюда, боюсь, их будущее было бы разрушено.

— Это точно, — с беспокойством сказала Чжоу Чжэньнян. — А что нам делать дальше? Закрыть ресторан, заняться чем-то другим?

Но кроме земледелия, они ничего не умели, чем еще они могли заняться?

Неужели им придется покупать здесь землю и заниматься сельским хозяйством?

Ли Цзючжоу произнес:

— Это же так тяжело, Сяюй точно не справится.

Чжоу Чжэньнян подумала, что это правда. Ее Сяюй больше всего боялся усталости, если бы он действительно занимался сельским хозяйством, то не выдержал бы.

Но кроме этого, они действительно ничего больше не умели.

Супруги стали еще больше беспокоиться.

Ли Сяюй услышал, что в комнате стало тихо, он взял в руки написанный им рецепт и вышел.

Семья Ли растила его больше десяти лет, он больше десяти лет называл их папой и мамой, и в конце концов не хотел видеть, как они бьются как рыба об лед.

Поэтому Ли Сяюй написал рецепт, хотел сделать вид, что увидел его в книге, переписал и попросил родителей дать поварам ресторана попробовать.

Этот рецепт не сделает ресторан намного лучше, но, по крайней мере, позволит семье немного заработать.

Юноша все время настраивался на это, поэтому немного задержался.

Неожиданно Ли Сяюй подслушал разговор родителей.

Похоже, его родители не собираются покидать Цычжоу.

Если только дядя не уедет вместе с ними.

В таком случае, план нужно изменить.

Кроме того, родители, кажется, отличаются от его учителя из прошлой жизни, они, похоже, действительно заботятся о нем.

В лунном свете Ли Сяюй шел легкой походкой, уголки его губ приподнялись.

Ли Сяюй, с тех пор как приехал в Цычжоу, начал бродить повсюду.

Иногда юноша бежал в порт, иногда к подножию горы.

Иногда он сидел у стены города рядом с гадальным столом и болтал с притворяющимся слепым гадателем.

А иногда Ли Сяюй сидел в чайной весь день, слушая, как люди вокруг болтают.

Сегодня он собирался поболтать со слепым гадателем, но почему-то оказался рядом с маленьким семейным рестораном.

Его отец сидел у входа с мрачным выражением лица.

Ли Сяюй хотел подойти, но увидел, как группа пыльных купцов вошла в ресторан.

Юноша немного помедлил, а затем развернулся и ушел.

У слепого гадателя сегодня было мало людей, да и обычно их было немного.

Когда Ли Сяюй пришел, слепой гадатель протирал гадальные палочки тканью.

— Молодой господин, почему ты сегодня пришел так поздно?

Слепой гадатель закрыл глаза, он полагался только на свой слух. Почувствовав, что Ли Сяоюй сел напротив него, он снова удивился. — Почему ты сегодня сел напротив? Не хочешь сидеть рядом?

— У тебя острый слух, даже не подглядывая, ты знаешь, что это я.

Слепой гадатель только улыбнулся, не говоря ни слова. Ли Сяоюй наугад вытащил деревянную палочку из бамбукового ведра.

На ней были неровные выпуклости, слепой гадатель, потрогав ее, мог узнать, какая это палочка.

Ли Сяоюй протянул палочку слепому гадателю.

— Погадай сегодня, растолкуй эту палочку.

Слепой гадатель хмыкнул.

— Удивительно, молодой господин начал верить слепому мне.

Ли Сяоюй подумал, что он не верит.

Просто здесь не было психолога, а гадание и Таро могли бы заменить психолога.

И не было Таро для гадания, поэтому он выбрал гадание.

— То, о чем я думаю, правильно?

Слепой гадатель потрогал палочку.

— Ой, это же лучшая палочка, большое счастье! То, о чем думает молодой господин, обязательно сбудется.

Ли Сяоюй посмотрел на палочку в руках слепого, этот слепой нес чушь. Он что, не заметил закономерность выпуклостей на палочке, это же явно была худшая палочка.

Юноша достал из своего маленького кошелька три медяка.

— Плата за прием.

Слепой гадатель, услышав это, удивленно открыл глаза, а потом, вспомнив, что он все еще гадает, быстро закрыл их.

— Какая плата за прием? Это же плата за гадание.

Прошло еще два дня, дела в ресторане шли все так же плохо.

Ли Сяоюй, глядя на кашу родителей, такую жидкую, что в ней можно было увидеть свое отражение, не выдержал.

— Папа, мама, вам не нужно экономить на еде настолько, что вы даже нормально не едите.

Каша в его миске была по-прежнему густой, он хотел ложкой поделиться с ними, но Чжоу Чжэньнян остановила его.

— Ешь побольше, посмотри, какой ты худой.

Ли Сяоюй не убрал руку, все равно поделился своей кашей с Чжоу Чжэньнян.

— Я с детства не толстею, мама, ты же знаешь.

Это было правдой, ее Сяоюй с детства был красивым, белым и нежным, в детстве у него были пухлые щечки, он был милым и очаровательным.

Когда он вырос, он много ел, но не толстел.

Но, несмотря на это, Чжоу Чжэньнян все равно не хотела брать кашу, она хотела вернуть ее Ли Сяоюю.

— Ты каждый день занимаешься кулачным боем, пинаешь ногами, тренируешь тело, как ты можешь выдержать это, если будешь мало есть?

Они передавали миску с густой кашей туда-сюда, Ли Сяоюй не мог сдержать улыбку, если бы кто-то не знал, то подумал бы, что его семья действительно не может позволить себе нормально поесть.

Но юноша понимал давление, которое испытывал его отец, но деньги не экономятся таким образом, и сколько можно сэкономить на этих нескольких ложках риса?

<http://bllate.org/book/14262/1261449>